

И. Л. Левина

*доктор медицинских наук, профессор, зав. кафедрой психолого-физиологических основ физической культуры
Кузбасская государственная педагогическая академия
г. Новокузнецк*

ПРАВОСЛАВИЕ И НРАВСТВЕННОСТЬ: ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ

Социально-экономические потрясения, происшедшие в России на рубеже тысячелетий, подвергли серьезному испытанию всю систему морально-нравственных устоев современного человека. Усиливается дезорганизация жизни, разрушаются сложившиеся нравственно-этические нормы и традиции семьи. Нестабильность, бедность, высокий уровень занятости родителей или безработица, неблагоприятная психологическая атмосфера семьи и социума пагубно влияют на подрастающее поколение, нравственное состояние населения. Противоречия между декларируемыми и реальными социальными нормами порождают условия, провоцирующие воспроизводство различных форм отклоняющегося поведения детей и молодежи.

Идеология ложных ценностей разрушает духовно-нравственные основы жизни. Отсутствие нравственных идеалов, верных духовных ориентиров, на фоне незатихающей пропаганды псевдоценностей массовой культуры,

обрекает нашу молодежь на греховную жизнь по страстям, на разложение, а значит, и вымирание.

Давно известно, что существует прямая связь между нравственными ценностями, нравственными установками и верой. Еще христианский историк, апологет начала четвертого столетия, покойный Лактанций, обращаясь к элите Римской империи, подчеркивал, что христианская религия преобразует человека, он становится нравственнее, добропорядочнее, он перестает изменять жене, он перестает издеваться над рабами, для него немислимы все те проступки, которыми грешат язычники [6].

Одним из путей выхода из сложившейся ситуации является обращение к культурному наследию нашей страны, важной составляющей частью которого является православие. Именно Православие во все времена нашей истории служило фундаментом самоидентификации России, обеспечивало духовное и нравственное здоровье нации и позволяло ей занимать достойное место в международном сообществе [12]. Оно всегда играло большую роль в жизни российского общества, благотворно воздействовало на моральный облик человека.

Вся русская история, история русского Православия – яркое свидетельство позитивных изменений нравственности общества путем приобщения человека к православным ценностям.

В связи с вышесказанным, представляется важным изучение накопленного исторического опыта воспитательного воздействия Православия и Церкви на духовно-нравственное состояние русского народа и широкое использование этого опыта в современных условиях.

Древне-русское язычество и его влияние на нравственность русских славян. К моменту принятия христианства на Руси язычество находилось еще на низшей степени развития, на переходе от непосредственного поклонения явлениям и силам природы, – солнцу, месяцу, звездам, заре утренней, ветрам буйным, морозу, царю-огню, матери сырой земле, живой воде, зеленой дубраве и прочих, которые доныне призываются в народных заговорах и песнях, – к олицетворениям этих явлений и сил в личных образах [3]. Но олицетворялись только низшие, простые и понятные божества: домовый – божество домашнего очага; леший, водяной, русалки, баба-яга – божества вне дома; дед мороз, кощей – божества смерти, болезней и проч. Эти низшие божества, ясные и близкие к человеку, жили вместе с ним в его избе, в его родной реке, в лесу и повсюду, куда он ходил со своим топором, косой и сохой, проникали «в темные углы домашнего быта с его тайными, частными обрядами» [3, с. 20] Божества высшие не успели приобрести ясных образов и известны по одним только именам: Сварог – божество неба, братья Сварожичи: громовник Перун – божество молнии, Дажьбог – божество солнца, Хорс (Карачун) – божество зимнего солнца, Стрибог – дед ветров, Волос – бог скота, Симаргла – богиня молнии, Мокоша – супруга солнца и др. Живя одной жизнью с природой, славянин и душу свою роднил с природой, представлял ее в материальном виде, в виде воздуха или огня – частицы царя огня, ставил в тесную связь со светилами, со звездой, под

которой родился человек, и считал все проявления ее жизни какими-то напускными и наносными. Вся жизнь его была окружена приметами по разным явлениям природы, поверьями, чародейными средствами, заговорами и таинственными, кудесническими обрядами. Была сильно развита вера в судьбу, в то, что человеку «на роду написано»; божества судеб или долей каждого человека назывались Рожаницами и считались покровительницами женщин и детей. Будущую жизнь русские славяне представляли в форме настоящей, а потому погребали или сжигали покойников вместе с разными принадлежностями их обыденного быта. Над умершим совершалась пьяная, шумная тризна. Сохранялись следы поклонения душам предков, например, в чествовании домового, именем которого заклинали в опасностях и божились при спорах о собственности, в поверьях о кикиморах и русалках, что они - суть души людей.

В отличие от религий высших (буддизм, конфуцианство и др.), проникнутых в известной степени моралью любви, самоотречения или по крайней мере юридической честности, религии низшие или первобытные стоят ниже понятий о нравственном вообще и могут быть названы прямо безнравственными [4]. В низших религиях боги являются покровителями сильных и коварных и служителями их страстей. Поэтому, как отношения людей к богам, так и людей между собой были в них чисто корыстными, эгоистическими. Поэтому мотивом служения богам древнерусского язычника были корысть и грубый расчет. В области плотской нравственности цариланеобузданная животная чувственность, феноменальное «нестыднение» (по выражению летописца), «о которых не лепо есть и глаголати» [4].

Неразвитость языческого мирозерцания и низкий уровень социального развития древнерусского славянина в значительной степени нашли отражение и в его быте. Русский народ жил отдельными волостными общинами, еще не утратившими вполне своих древнейших племенных и кровных связей. Поэтому культ носил отпечаток семейности, и боги предпочитали селиться по жилым углам и усадьбам. Каждая семья и родственная группа имели своих собственных совершителей богослужебных действий в лице своих старейших членов.

Эта общинность отражалась и в общественной жизни. В дохристианское время князья не имели ни склонности, ни возможности вмешиваться в общественную жизнь и поддерживать порядок, когда к ним не обращалось за этим само население. Преступление считалось «обидою», за которую должен был отплатить, «отомстить» сам обиженный или его род. Человека защищал не князь, а свои близкие ему люди; за убитого «мстили» отец, братья, дяди, племянники. Обычай «кровной мести» и вообще «мести» был так широко распространен, что признавался даже законом, как нормальное правило. Живя в своей общине, принадлежа к своему роду, каждый человек пользовался его защитой. Лишенный покровительства своих близких, прогнанный из какого-либо сообщества человек становился беззащитным, потому что никто не шел к нему на помощь; его можно было, по старому выражению, «убита во пса место» – и остаться без всякого наказания и

возмездия. Такие беспризорные и беззащитные люди назывались изгоями; изгой были как бы «изжитые», выкинутые из жизни вон люди. В одном церковном уставе XII в. дается такое определение изгоям: «Изгой – трои: попов сын грамоте не умеет, холоп из холопства выкупится, купец одолжает; а се четвертое изгойство о себе приложим: аще князь осиротеет».

Родовой быт первоначально вел людей к обособлению. Роды жили замкнуто, чуждались один другого и враждовали один с другим. А между тем каждому роду было необходимо со стороны добывать невест для браков своих родичей. Отсюда возник обычай добывать их насилием и хитростью, посредством «умычки» или увоза. Впоследствии этот обычай смягчился: если невесту «умыкали», то по предварительному с ней уговору. В то же время возникли и другие способы заключения брака: жених мирно приходил за невестой и выкупал ее у рода, уплачивая за нее «вено». Кое-где, там, где нравы были мягче, брак заключался ближе к нашим обычаям: невеста приезжала в дом жениха и за ней привозили ее приданое. Но так бывало, по словам летописца, только у полян. В прочих же местах семейный быт отличался грубостью, тем более, что везде существовал обычай многоженства. Предание говорит, что сам князь Владимир до своего крещения держался этого обычая. Положение женщины в семье, особенно при многоженстве, было очень тяжело, о чем свидетельствуют народные песни. В них горько оплакивается судьба девушки, отдаваемой или продаваемой в чужой род.

В языческое время на Руси было лишь одно сословное различие: люди делились на свободных и несвободных, или рабов. Свободные назывались мужами, рабы носили название челядь (в единственном числе холоп, роба). Положение рабов, очень многочисленных, было тяжело: они рассматривались как рабочий скот в хозяйстве своего господина. Они не могли иметь собственного имущества, не могли быть свидетелями в суде, не отвечали за свои преступления. За них отвечал господин, который имел право жизни и смерти над своим холопом и наказывал его сам, как хотел. Свободные люди находили себе защиту в своих родах и сообществах; холоп мог найти себе защиту только у господина; когда же господин его отпускал на волю или прогонял, раб становился изгоем и лишался всякого покровительства и пристанища.

Таким образом, в языческом обществе княжеская власть не имела той силы и значения, какое имеет государственная власть теперь. Общество делилось на самостоятельные союзы, которые одни лишь своими силами охраняли и защищали своих членов. Вышедший из своего союза человек оказывался бесправным и беззащитным изгоем. Семья, при обычае многоженства, умычки и покупки невест, имела грубый языческий характер. Рабство было очень распространено и притом в тяжелой форме. Грубая сила господствовала в обществе, и человеческая личность сама по себе в нем не имела никакого значения.

Нравственные идеи Православной Церкви. Христианская церковь не могла примириться с таким порядком. Вместе с Христовым учением о любви

и милости церковь принесла на Русь и начала византийской культуры. Церковь раскрыла для русского язычника понятие греха и указала его даже в малейших, ни для кого невидимых движениях человеческого сердца, а над всем внутренним миром человека и над всеми частностями его внешнего поведения поставила Бога, как бдительного Судию. Мысль о неизбежном божественном суде производила необыкновенно сильное впечатление на пугливое воображение язычника и отрезвляющим образом влияла на его нравственное поведение. Уча язычников вере, она стремилась улучшить их житейские порядки. Под влиянием христианства отдельные лица из языческой среды изменяли к лучшему свои взгляды и права, шли вслед Христу и являли высокие примеры нравственной христианской жизни и даже подвижничества.

Церковь старалась поднять значение княжеской власти. Князей она учила, как они должны управлять, не оставаясь безучастным к насилию и злу в своей земле, что они должны блюсти в ней порядок. Такой взгляд духовенство основывало на убеждении, что княжеская власть, как и всякая земная власть, учинена от Бога и должна творить Божью волю. Но так как «всяка власть от Бога» и так как князь «есть Божий слуга», то ему надлежит повиноваться и его надлежит чтить. Из идеи божественного происхождения и авторитета власти делалось два вывода. Во-первых, если дарование власти дело Промысла, то добиваться ее насильно нельзя. Во-вторых, богоустановленностью предопределяется и санкционируется и качество власти, каково бы оно ни было. О хороших властителях не возникает сомнения: они воздвигаются

Промыслом на благо людей, но и худые имеют также свое назначение свыше: они попускаются Богом в наказание за наши грехи. В Святославовом Сборнике 1075 г. в ответах Анастасия Синаита так развивается эта мысль: «Да добре се ведомо, яко ови князи и царие: достойны таковыя чти, от Бога поставляются; ови же паки, недостойни суще... по Божию попущению или хотению поставляются...». «Егда узришь недостойна кого или зла царя, или князя, или епископа, ни чудися, ни Божия Промысла потязай, но разумей и веруй, яко противу беззаконием нашим тацем томителем предаемся» [цит. по 4].

По отношению к самой власти из той же идеи делался вывод об ее ответственности не только пред людьми, но и пред Богом. В предисловии к Русской Правде говорится: «послушайте и внушите вси судящий земля, яко от Бога дастся вам власть и сила от Вышняго. Давый бо вам власть Бог истяжет скоро ваши дела и помыслы испытает, яко служители есте царствия, ти не судисте право» [цит. по 2]. Ближайшее значение для церкви имела выводимая из той же посылки идея ответственности гражданской власти за интересы чисто-церковные. Князю вменялось в обязанность, как верховному попечителю церкви, хранить чистоту веры и ограждать православный народ от соблазнов.

Найдя на Руси ряд союзов, родовых и племенных, дружинных и городских, церковь образовала собою особый союз – церковное общество. В

состав его вошло духовенство, затем люди, которых церковь опекала и питала, и, наконец, люди, которые служили церкви и от нее зависели. Церковь опекала и питала тех, кто не мог сам себя кормить: нищих, больных, убогих. Церковь давала приют и покровительство всем изгоям, потерявшим защиту мирских обществ и союзов. *Церковь получала в свое владение села, населенные рабами.* И изгои, и рабы становились под защиту церкви и делались ее работниками. Всех своих людей одинаково церковь судила и рядила по своему закону (по Кормчей книге) и по церковным обычаям; все эти люди выходили из подчинения князю и становились подданными церкви. И как бы ни был слаб или ничтожен церковный человек, церковь смотрела на него по-христиански – как на свободного человека. Для церковного сознания все были братья во Христе, и не было пред Господом ни раба, ни господина. В церкви не существовало рабства: рабы, подаренные церкви, обращались в людей, лично свободных; они были только прикреплены к церковной земле, жили на ней и работали на пользу церкви. Таким образом, церковь давала светскому обществу пример нового, более совершенного и гуманного устройства, в котором могли найти себе защиту и помощь все немощные и беззащитные.

Воздействие Православной Церкви на нравственность русских князей. Крестителем русской земли является св. великий равноапостольный князь Владимир (во св. крещении Василий), князь «Красное Солнышко», сын князя Святослава Игоревича и его клкбечанки. Князь Владимир к 980 году с помощью варяжской дружины и злодейского братоубийства овладел Киевским государством. Во время приверженности язычеству буйная натура князя безоглядно отдавалась порывам самых разрушительных страстей. Публичное насилие над пленной княжной Рогнедой, предательское убийство брата Ярополка, участие в человеческих жертвоприношениях, необузданная похоть, для удовлетворения которой Владимир содержал в трех гаремах 800 наложниц – вот далеко не полный перечень, позволяющий судить о его характере [1].

Личное обращение Владимира как бы прообразует изменения, ожидавшие по крещении и соборную душу народа Невидимо, неуловимо, неощутимо касается Господь человеческой души, сокрушая узы греховного ослепления. Никто, даже сам прозревший, не в силах понять и рассказать, как наступило прозрение. Всемогущий Бог, милосердствуя о своем погибающем творении, властно действует в человеке, врачует и вразумляет, воссоздавая Свой оскверненный образ столь же непостижимым действием, как и самое действие создания его. Лишь очень приблизительно может проследить за обращением внешний наблюдатель. Именно на примере св. князя Владимира можно видеть, как принцип безжалостного эгоизма в отношениях к ближним под влиянием церкви уступал место принципу любви в ее доступной форме милосердия. Коварный братоубийца, «отменный», по словам Н. М. Карамзина, язычник, приносящий человеческие жертвоприношения, Владимир в христианстве становится в высокой степени чувствительным к людским страданиям, милостивым и ласковым, смягчается под влиянием

новой веры, проявляет исключительно широкую благотворительность всем бедным и немощным [10]. Несмотря на свой 30-летний возраст, Владимир нашел в себе столько нравственного героизма, чтобы совершенно отстать от своей крайней распущенности, т.к.к разрыв с чувственностью выступает как необходимое требование христианской нравственности [4].

Св. Владимир стал первым национальным образцом христианской добродетели, которому старались подражать в милосердии многие князья. Так, проникнутый духом новой религии сын Владимира Борис, вместо того, чтобы по языческому обычаю воспользоваться к нему киевлян и войска и прогнать Святополка из Киева, охотно признает его старшинство, а затем мученически погибает от руки неблагодарного брата. Образ неповинных страдальцев Бориса и Глеба, положивших душу свою ради мира общественного, и нежелание походить на бесчестного убийцу их, Святополка, не раз удерживали князей от междоусобной вражды и кровопролитий. Св. князь Андрей Боголюбский – полновластный государь, дающий ответ в своих попечениях о стране и народе единому Богу. Его княжение было ознаменовано многочисленными чудесами, память о которых доселе сохраняется Церковью в празднестве Всемиловитовому Спасу (1 августа), благословившему князя на его державное служение. Зная о готовящемся убийстве, в 1174 году принял мученическую кончину. Оплакивая своего господина, верный слуга Кузьма говорит: «Бывало, придет гость какой из Царьграда... или латышин... даже гоганин какой если придет, князь сейчас скажет: поведите его в церковь, в ризницу, пусть видят истинное христианство и крестятся; так и случалось: болгары и жида и всякая погань, видя славу Божию и украшение церковное, крестились и теперь горько плачут по тебе...» [10]. Еще один пример благочестия являет собой великий князь Изяслав Ярославич – старший сын Ярослава Мудрого. Престол получил в 1054 году. Он предстает пред нами как человек тихий, любящий правду и не мстительный. Он простил киевлян, изгнавших его и разграбивших его дом. Простил и брата Всеволода. Даже защитил его от врагов, положив за него свою голову. И это в мире, где господствовал закон «зуб за зуб и глаз за глаз».

Владимир Мономах уступает великокняжеский престол другому, чтобы избежать кровопролития, всю жизнь свою разбирает ссоры князей и мирит их. Сын его Мстислав не хочет воевать с Олегом Рязанским, даже ходатайствует за него перед своим отцом, а Олег убил его брата, хотел отнять удел у него самого. По этому случаю, Мономах написал

замечательное по своему теплоте христианскому чувству послание к Олегу, вызывая его на мир и прощая ему все [9]. «Поучения Владимира Мономаха» – не только выдающийся памятник древнерусской художественной литературы, но и яркий пример княжеской христианской добродетели.

Таким образом, указанные им подобные примеры столь успешных нравственных влияний церкви стали для массы конкретными воплощениями новых христианских идеалов. Близкие к народу национальные образцы

добродетелей и в особенности служили для него могущественными нравственно-воспитательными уроками.

Христианская святость монастырских обителей как образец нравственности. Всю полноту христианской святости содержали в себе идеальные образцы монастырских добродетелей, которые воспринимались народом едва ли не как единственный прямой путь спасения. Это связано с тем, что, во-первых, христианство принесено к нам было в ярком аскетическом освещении; во-вторых, недавним язычникам, всецело жившим интересами земли и своего тела, резче всего бросился в глаза как раз противоположный дух новой религии; в отрицании плоти они в осязательной и доступной для себя форме почували новый, по-прежнему, характер христианской нравственности и, не постигая других сторон евангельского подвига любви, в телесном аскетизме усмотрели всю сущность христианского спасения, чрез него поняли все христианство [4]. Аскетический идеал требовал *умерщвления* плоти, отращения от житейских радостей, презрения к женской красоте, а через это и презрение к женщине вообще. Нашлось на русской земли немало пылких идеалистов, хоте полноте осуществить идею отвержения плоти, той тяготившее плоти, которой всецело жило прежнее язычество.

Древние монастыри не всегда были похожи на нынешние. Удалясь из городов в лесную глушь, тогдашние монахи составляли свое особое поселение, как бы в пустыне, не имея до времени ни храма, ни монастырских стен. Их община кормилась своими трудами и терпела нужду даже во всем необходимом до той поры, пока не получала известности и не привлекала благочестивых поклонников. Строгая жизнь и трогательное братство иноков, способ хозяйства их, совершенно новый для языческой среды, основанный наличном бескорыстии иноков и на их неустанном труде на пользу братии, – все это очень сильно действовало на умы тогдашних людей. Они желали помочь благочестивой братии, чем могли: строили в монастыре храмы, дарили монастырю земли и рабов, жертвовали золото и драгоценности. Скромная община монахов превращалась в богатый благоустроенный монастырь и делалась религиозным и просветительным средоточием для своей области. Монастырь учил не только вере, но и «книжному почитанию», и хозяйственным приемам. В монастырях образовывались целые библиотеки и процветала грамотность; почти все знаменитые писатели Киевской Руси вышли из монастырей. Хозяйство монастырей устраивалось по византийским образцам и руководилось византийскими законами и правилами. В этом хозяйстве не было рабов, потому что церковь не допускала у себя рабства. Рабочий люд был лично свободен, но прикреплен к церковной земле и управлялся церковными властями. На обширных землях монастырей все хозяйственные порядки устанавливались сообразно указаниям греческого закона и отличались правильностью и стройностью. Поэтому монастырское (и вообще церковное) землевладение становилось образцом не только для частных, но даже и для княжеских земельных хозяйств.

Можно привести массу примеров подвижников веры и благочестия, героев христианской веры, которые приносили себя в жертву за Христа или которых приносили в жертву за Христа и Православие и, тем самым, пополняли список святых, в земле Российской просиявших.

Таким образом, в лице монастырских обитателей Киевская Русь, а в последствии Россия, стала иметь могучую религиозно-нравственную силу, оказавшую огромное влияние на духовную жизнь русского народа, а в церковной реальности Православие в жизни русского народа стало воплощаться в Святую Русь - будьте святы, как свят Господь Бог ваш.

Влияние Церкви на личную нравственность мирян. Принятие христианства русскими славянами изменило их жизнь и поведение.

Если и было христианское благочестие среди русских, то в большинстве оно было лишь обрядовое. Так, князь, строивший храмы и монастыри в своем уделе, жег и грабил церкви в чужом уделе и свей святыни украшал за счет других. То же самое делали и жители одних уделов с имуществом жителей других уделов. В междоусобной войне часто допускались ослепления, братоубийства одних князей и родственников другими [3]. Правда, видим большое уважение к аду с этим наблюдаем и преследование, даже убийства тех иноков или священников, которые обличали князей за их нехристианское поведение.

Мирская жизнь медленно прогрессировала в нравственном отношении, ослабляемая отчаянным сознанием невозможности не уступать влекущим прелестям мира. А грубые языческие пороки были велики и требовали вековых исправительных условий.

Церковь начала переустройство древнерусской языческой семьи на новых основаниях. Она уничтожила многоженство и приступила к устройению положения женщины, как жены и матери, согласно с духом христианской семьи. Первым препятствием на пути к этому делу лежал языческий пренебрежительный взгляд на женщину, опасный, тем более, что он находил себе некоторую поддержку в крайних аскетических воззрениях переводной византийской литературы шальным предубеждением русских людей [рот \ привнесла в законодательство о браке и семье целый ряд целесообразных предписаний.

Документом, закрепляющим новые предписания, стал Церковный устав Ярослава I церковный нормативно-правовой акт государственного происхождения, регулирующие общественные отношения, отнесенные им к церковной юрисдикции, составленный в период правления князя Ярослава I [10].

Для возвышения нравственного достоинства выходящей замуж девицы прежде всего необходимо было признать за ней свободную личную волю, свободное произволение на брак. И церковь положительно восстает против языческого умыкания невест, заменяя его свободным сговором, закрепляемым обручением. Добрая воля невесты в деле заключения брака особенно ярко оттеняется в Церковном таем такого рода статьи: а) «если девица захочет е, и после этого она что-нибудь сделает над собой, то

митрополиту обязаны заплатить пеню отец и мать, а также и отрок»; в) «если девица не захочет идти замуж, а отец и мать выдадут силой, и она что-нибудь сделает с собой, то отец и мать должны заплатить пеню митрополиту, а также они должны заплатить исторь», т.е. убытки семье мужа, давшей за нее вен [11].

Личная свобода женщины, гарантированная церковными законами в момент заключения брака, под воздействием той же церкви расширялась и в сфере взаимных отношений мужа и жены. В языческую пору русской жизни жена составляла полную принадлежность мужа, его рабыню. Между тем, идеал христианской семьи требовал для жены положения свободной советницы мужа. Чтобы превратить жену из имущества мужа в его советницу, нужно было ее самое сделать субъектом имущественным. Утверждалась ее личная свобода и известная степень гражданского равноправия с мужем. Есть документальные намеки, дающие основание предполагать, что еще до всеобщего крещения Руси русские женщины, по крайней мере знатного происхождения, начали приобретать себе право на отдельное от мужей имущество. Но несомненно, что только с принесением к нам византийского Номоканона¹, ясно проводящего этот принцип раздельности, русская женщина окончательно приобрела указанную частичную имущественно юридическую эмансипацию. Церковь и наблюдала за раздельностью имущества супругов: по уставам первых князей она разбирала тяжбы между мужем и женой «о животе», т.е. об имуществе. Начало особого имущества полагалось приданым, и Слово Даниила Заточника говорит о приданом, как уже установившемся факте русской жизни.

Таким образом церковь систематически содействовала возвышению женщины, как полноправной личности, тем возвышала нравственную атмосферу всей русской семьи.

К чести русской церкви следует сказать, что она даже за краткий сравнительно период (киевский) своего существования успела не только провести в гражданское законодательство несколько новых положительных норм, но и сумела ослабить и переработать сообразно со своим духом такого рода отрицательные установления русского права, которые прочно срослись с основами государственной и общественной жизни и однако противны были христианским началам, а именно и холопство [12]. Церковь, не призванная к деятельности, проявила здесь свое влияние косвенным путем. Она боролась против зла своим духовным оружием - словом обличения и наставления, направленным к совести отдельных граждан, как членов церкви.

Крупную победу одержала церковь и в борьбе с холопством. Особенную крепость институту рабства придавала его неделимость, т.е. отсутствие в нем переходных ступеней от безусловной зависимости раба от владельца – к условной и ослабленной. В греко-римском мире рабство крепко было своей

¹ Номоканон или Кормчая книга – сборник правил церкви и касающихся ее государственных постановлений, перешедший к нам и другим славянам из Константинопольской церкви после принятия христианства.

неделимостью, между тем на Руси появилось именно такое разнообразие степеней в сословии холопов, облегчившее разложение и уничтожение холопства. Историки главной виновницей дробления и разложения холопства признают церковь: «Холопская неволя таяла под действием церковной исповеди и духовного завещания. Рабовладелец добровольно, ради спасения души, смягчал свои права или даже поступался ими в пользу холопа. Личные проявления человеколюбия входили в привычки и нравы, которые потом облекались в юридические нормы» [цит. по 5]. Таким путем церковь, соображаясь с положениями византийского законодательства и свободно применяя их к условиям русской жизни, повлияла на установление в русском гражданском праве изучаемого периода нескольких случаев обязательного дарового отпуска холопов. Кроме того, церковь всячески старалась облегчить холопам возможность выкупа на волю.

Таким образом, церковь оказывала прямые нравственно-воспитательные влияния на совесть каждого отдельного ее члена, обладая при этом и своим мощным преобразующим влиянием на нравственность общественную, в связи с универсальным воздействием всю жизнь человечества, на всю цивилизацию и культуру. Великодушно призванная княжеской властью к содействию в гражданском законодательстве и вообще в строении земли русской, церковная иерархия тем самым поставлена была в наилучшие условия для христианизации русского общества. И она действительно успела провести в законодательство и жизнь несколько благодетельных влияний как осязательное доказательство выполнения церковью своего идеального служения обществу.

Итак, исторический анализ показывает, как велико было воздействие христианства на нравственность. Примеров истинного благочестия – множество, и притом благочестия истинного, высокого, далекого от показного, чисто внешнего обрядового фанатизма, не согретого душевной теплотой веры. Русская Церковь, выполняя свое высокое назначение, перевоспитывая своих членов духовно-нравственно, не ограничилась при этом только влияниями на их индивидуальный душевный строй, но, как и следовало того желать и ожидать, содействовала и переустройству общего гражданского порядка на христианских началах. Русская Церковь, перевоспитывая русский народ в духе нового, ею дарованного ему православного мирозерцания, тем выполняла свое прямое назначение, свою апостольскую миссию. Универсальный характер христианского мирозерцания глубоко влиял решительно на все стороны русского бытия. Широкое влияние Церкви охватывало все стороны общественного устройства и подчиняло себе одинаково как политическую деятельность князей, так и частную жизнь всякой семьи. Это влияние было особенно деятельно и сильно благодаря тому, что церковь была едина и власть митрополита простиралась одинаково на всю Русскую землю.

Нынешнее состояние духовного мракобесия, разгул языческих страстей и безнравственности среди всех возрастных групп российского общества требует принятия срочных мер по выходу из этого угрожающего состояния.

Одним из главных путей возрождения России является возрождение ее духовной и нравственной основы – Православия, а использование исторического опыта Русской православной Церкви – гарантом эффективности этого процесса.

Литература

1. Гумилев Л. Н. От Руси до России: Очерки этнической истории / Послесловие С. Б. Лаврова. – М: Рольф, 2001.
2. Доброклонский А. Руководство по истории Русской Церкви. – М, 1999.
3. Знаменский Е.П. Руководство к русской церковной истории. – М: Харвест, 2005.
4. Карташев А. В. Очерки по истории Русской Церкви, в 2 тт. – М.: Наука, 1991.
5. Ключевский В. О. Православие в России. – М., 2000.
6. Кротов Я. С христианской точки зрения: религия и нравственность [Электр. ресурс]. Путь доступа: http://www.krotov.info/yakov/3_vera/3_radio/20061214.htm
7. Петрушко В. И. История Русской Церкви. Конспект лекций. – М: ПСТБИ, 1999.
8. Платонов С. Ф. Полный курс лекций по русской истории. – СПб.: Литера, 1999.
9. Поучение Владимира Мономаха [Электр. ресурс]. Путь доступа: <http://www.pravoslavie.ru/cgi-bin>
10. Святая Русь. Энциклопедический словарь русской цивилизации. Составитель О. А. Платонов. – М.: Православное издательство «Энциклопедия русской цивилизации», 2000.
11. Устав князя Ярослава (пространная редакция) // Российское законодательство X–X веков. – М. 1984. – Т. 1
12. Юдин В. Нравственность «государственного Православия». Попытка осмысления бельгийского опыта // Журнал «Золотой Лев» № 77–78 – издание русской консервативной мысли [Электр. ресурс]. Путь доступа: http://www.zlev.ru/77_91.htm